

Особенности развития татарской советской прозы: тематические и поэтические тенденции

Айгуль Ф. Ганиева, Лейсан Р. Надыршина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация

В статье анализируются особенности татарской советской прозы в плане тематических и поэтических новшеств. В своем развитии она прошла три важных этапа: первый — 1917–1930, второй — 1941–1955 и третий — 1960–1985 гг., соответствующие общественно-политическим процессам в СССР и изменением акцентов в художественном сознании и литературном процессе. В качестве материала в статье использованы произведения Г. Ибрагимова, А. Еники, Г. Баширова, М. Амира, Ф. Хусни, Р. Батуллы. Авторы обращают внимание на изменение дихотомии «мы — они» на каждом этапе.

На первом этапе становления советской художественной культуры в литературу привносят романтический пафос революция и гражданская война, под идеологическим давлением утверждается социалистический реализм, который основывается на дихотомии: «мы» — борцы за новую социалистическую жизнь, «они» — враги советской власти.

В период Великой Отечественной войны происходят коренные изменения в тематическом плане. В этнических образах, в попытках воссоздания татарского характера, в поэтике психологизма прослеживается стремление прозаиков преодолеть идеологические ограничения соцреализма. Как и в художественной литературе всей огромной страны, «мы» начинает обозначать жителей Советского Союза, защитников своей земли, а «они» — врагов, завоевателей.

Третий этап характеризуется тенденцией к возрождению устоявшихся традиций в татарской прозе, а также возвращением темы этнической идентичности в литературных произведениях. В связи с социокультурными изменениями в жизни народа прослеживается разветвленность прозы как по тематике, так и по жанрам. Социально-психологическая оппозиция «Мы — они» начинает рассматриваться в этно-культурном контексте.

Стремление к этническому самовыражению, гуманистические идеалы и поиск художественной правды сталкивались с жесткими идеологическими рамками, цензурой и давлением в эти годы. Тем не менее, литература сумела выстоять, сохранить свою самобытность и внести значительный вклад в развитие татарской культуры.

Ключевые слова: татарская литература; проза; социалистический реализм; советская литература

Исследование выполнено в рамках реализации п. 3.5 государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования:

Ганиева А. Ф., Надыршина Л. Р. Особенности развития татарской советской прозы: тематические и поэтические тенденции // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 94–111. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.7>

Ганиева Айгуль Фирдинатовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: Россия, 420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 12/4. Эл. адрес: aygulgani@mail.ru

Надыршина Лейсан Радифовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Адрес: Россия, 420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 12/4. Эл. адрес: leysan84@mail.ru

Features of the Development of Tatar Soviet Prose: Thematic and Poetic Tendencies

Aigul F. Ganieva, Leysan R. Nadyrshina

*Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences,
Russian Federation*

This article examines the distinctive features of Tatar Soviet prose in terms of thematic and poetic innovation. Its development is marked by three major stages: the first — 1917–1930, the second — 1941–1955, and the third — 1960–1985. These stages correspond to socio-political processes in the USSR and to changing emphases in artistic consciousness and the literary process. The analysis is based on the works of G. Ibragimov, A. Eniki, G. Bashirov, M. Amir, F. Khusni, and R. Batulla. The authors highlight the transformation of the “We — They” dichotomy at each stage.

During the initial stage of the formation of Soviet artistic culture, literature absorbed the romantic pathos of the revolution and civil war. Under ideological pressure, socialist realism was established as the dominant literary method, based on a dichotomy of “We” — fighters for a new socialist life, and “They” — enemies of Soviet power.

In the period of the Great Patriotic War, significant thematic transformations took place. Efforts to depict ethnic characters, attempts to recreate the Tatar national character, and the development of psychological poetics reflected writers’ aspirations to overcome the ideological constraints of socialist realism. As in the literary contexts across the Soviet Union, the representation of “We” now referred to the people of the USSR — defenders of their homeland — and “They” to the enemy, the aggressors.

The third stage is characterized by a revival of established traditions in Tatar prose and the reemergence of the theme of ethnic identity in literary works. In line with the sociocultural changes in the life of the Tatar people, prose became increasingly diverse in terms of both themes and genres. The socio-psychological opposition of “We — They” came to be interpreted within an ethnocultural framework.

During this period, the pursuit of ethnic self-expression, humanist ideals, and the search for artistic truth often came into conflict with the rigid ideological boundaries, censorship, and political pressure. Nevertheless, Tatar literature managed to endure, preserve its distinct identity, and make a significant contribution to the development of Tatar culture.

Keywords: Tatar literature; prose; socialist realism; Soviet literature

The research was carried out as part of the implementation of clause 3.5 of the state program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the national identity of the Tatar people”.

For citation:

Ganieva A. F. and Nadyrshina L. R. Features of the Development of Tatar Soviet Prose: Thematic and Poetic Tendencies. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 94–111. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.7>

GANIEVA, Aigul Firdinatovna, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 12/4 K. Marxa St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: aygulgani@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4180-7938

NADYRSHINA, Leysan Radifovna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Center for Written Heritage, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 12/4 K. Marxa St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: leysan84@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3038-3677

Введение

Социально-политическая ситуация последних десятилетий определила идейно-эстетическую и историческую значимость принципов художественности, сопрягающей в себе содержательные и формальные стороны советской литературы. Он применим не только к отдельным произведениям, но и литературному процессу в целом, и может быть использован для современных исследований советской литературы. К сожалению, начиная с 1990-х гг. основной массив татарской советской литературы остается вне поля зрения исследовательского интереса — как идеологизированная часть отечественной художественной культуры.

Однако исследование татарской советской прозы явственно показывает, что, с одной стороны, она не уместается в рамки соцреализма, и ее путь не повторяет те процессы, которые происходили в других литературах народов СССР. По нашему мнению, уникальность советского литературного наследия объясняется также его многонациональностью: несмотря на установку на централизацию, литература каждого народа стремилась развиваться по своим законам, находила возможности адаптации к жесткой соцреалистической регламентации.

Татарская проза во многом сохранила, а также в разные временные отрезки обновляла и возрождала традиции предыдущих поколений писателей, способствовал тем самым сохранению и укреплению этнокультурных особенностей искусства слова. В татарском литературоведении этот аспект, который требует определения основных тематических и поэтических тенденций татарской советской прозы в отдельные периоды ее развития, редуцирован. Поэтому актуальность нашего исследования определяется необходимостью выделения основных этапов татарской прозы советского периода и выявления самых главных тенденций развития на примере творчества наиболее видных писателей эпохи.

В истории татарской литературы принято рассматривать советский период в пяти этапах: 1920-е гг.; 1930-е гг.; период Великой Отечественной войны; послевоенные годы (1945–1953); период «оттепели» (1953–1968) (Татар әдәбияты ..., 2021: 9). В отличие от поэзии и драматургии, в прозе не происходит резких отличительных перемен между этапами, поэтому мы считаем возможным разделить татарскую прозу советского периода на три большие этапа: 1917–1940 гг., 1941–1955 гг., 1960–1980 гг.

Целью статьи является выявление основных тематических и поэтических тенденций развития татарской прозы советского периода.

В работе татарская советская проза впервые исследуется как целостное и единое историко-художественное явление, напрямую связанное с тематическими и поэтическими традициями дореволюционной татарской литературы, которые в период революционных перемен позволяли ей сохранить особый взгляд на происходящие события, этническую ментальность и мировоззрение, художественный язык образности. Таким образом, научная новизна статьи определяется тем, что в ней впервые в татарском литературоведении сделана попытка рассмотреть и оценить татарскую прозу советской эпохи с точки зрения репрезентации непроходящих этнокультурных ценностей, закрепленных в искусстве слова в начале XX в.

В соответствии с целью исследования определяются следующие задачи: интерпретация изменений в структурообразующем конфликте в прозаических произведениях 1917–1940 гг.; выявление художественных предпочтений и попыток обойти идеологические ограничения в произведениях 1941–1955 гг.; определение имеющих особое значение для возрождения этнокультурных традиций тематические и жанрово-поэтические особенности произведений 1960–1985-х гг.

Методологическую основу исследования составили труды таких ученых как Н. Л. Лейдерман¹, А. Я. Эсалнек², Е. Б. Скороспелова (Скороспелова, 2003), В. С. Баевский (Баевский, 1999) и др., в которых советский период в развитии литератур народов СССР характеризуется как время масштабной трансформации художественного сознания, установления соцреалистического канона и рождения новой литературы, а также поиска новых художественных ориентиров, выходящих за рамки идеологических требований. Нам кажется, что слова Н. Л. Лейдермана, высказанные относительно эво-

¹ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е гг.; пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. М.: Издательский центр «Академия». 2003.

² Эсалнек А. Я. Теория литературы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Флинта, 2010.

люции русской советской литературы, могут быть повторены в отношении татарской советской прозы: «Художественный процесс в XX веке имеет свой стержень, свою структурную ось — ею является взаимодействие классических и неклассических художественных систем. Это взаимодействие носило сложный и динамический характер: тут и полемическое взаимоотталкивание вплоть до травестирования и пародии, тут и невольное взаимопроникновение, тут и целеустремленное синтезирование. Переходы, переливы, сплавы классических и модернистских структур стали в высшей степени характерной чертой литературного процесса в России XX века»¹. На примере татарской прозы советского времени можно констатировать активное ее взаимодействие с татарской литературой начала XX в.

При освещении особенностей развития татарской прозы нами использованы исследования по истории советской литературы Ф. М. Мусина (Мусин, 1976), Ф. М. Хатинова (Хатинов, 2014) Ф. Г. Галимуллина (Галимуллин, 2016), А. М. Закирьянова (Закирьянов, 2019) и др., где представляется реконструкция литературного процесса обозначенного времени, «который вовсе не является однообразным. Он входит в историю своими большими достижениями и в то же время — серьезными потерями» (Закирьянов, 2019: 146). Поэтому внимание акцентируется на изучении прозаических произведений в контексте социально-политических и социально-культурных событий советского периода, влияния не только историко-социальных, но и литературных и личностных факторов на творчества писателей и прозы. В существующих трудах по истории татарской литературы эволюция советской прозы рассматривается с точки зрения проникновения соцреализма в литературный процесс, формирования нового социалистического взгляда на действительность и человека. В отличие от них, мы попытались определить круг произведений, выделяющихся в общем контексте литературы эпохи, выявить те особенности, которые связаны с внутренней логикой развития татарского художественного сознания.

Также нами были использованы труды по истории Татарской АССР Г. А. Галлямовой (Галлямова, 2015) и др., представляющие современный взгляд на происходившие исторические процессы (Фахрутдинов Р. Г., Фахрутдинов Р. Р., 2021).

В методическом плане мы опираемся на труды Д. Ф. Загидуллиной, которая в последние годы ведет обширные планомерные и системные исследования в области татарской прозы XX — начала XXI в. как единой целой (Загидуллина, 2015; Загидуллина, 2020).

В качестве источников выступают прозаические произведения 1917–1985-х годов ведущих авторов-писателей: Г. Ибрагимова, А. Еники, Г. Баширова, М. Амира, Ф. Хусни, А. Баянова, Р. Батуллы и др. в плане тематической и поэтической новизны в контексте литературного процесса выделенного нами периода. Анализ опирается на произведения, заслужившие признание в литературе, и на те, что выпали из литературного оборота из-за идеологической цензуры — забытые временем.

Новая интерпретация структурообразующего конфликта (1917–1940 гг.)

Татарская литература встретила Октябрьскую революцию на «пике» своего развития: начало XX в. в постсоветском литературоведении принято называть временем формирования «новой парадигмы культуры» (Нигматуллина, 1997: 109); «Вторым Ренессансом» (Ганиева, 2002: 71); «Золотым периодом развития татарской литературы» (Татар әдәбияты ... , 2021: 5). Поэтому классические произведения начала XX в. стали примерами для подражания при последующем движении художественного сознания, в том числе при становлении советской литературы. Вместе с тем, для самой литературы, сформировавшейся на протяжении веков в восточных традициях, на рубеже XIX–XX вв. определившей свою национальную направленность, обогатившейся под влиянием русской и европейской культур и развивавшейся с небывалым размахом, революция оказала катастрофическое, разрушительное воздействие и нарушила ход развития.

Многие татарские писатели приветствовали революцию, считая, что отмена самодержавия приведет к национально-социальному освобождению, демократии. Однако установление большевиками в стране диктатуры пролетариата уничтожило эти надежды. Перемены в стране разделили писателей на два лагеря. Некоторые из тех, кто не принял революцию, уехали за границу, многих из тех, кто ее поддержал, ожидала трагическая судьба.

¹ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: ... Т. 1. С. 17.

Татарская проза начала XX в. в целом поднимала проблему развития татарского народа в контексте социокультурного развития человечества, структурировалась вокруг конфликта «мы — они», в котором сторона «мы» олицетворяла сторонников прогресса, «служителей народа и татарского общества» («милләт хадиме»), а «они» — их противников («Ике йөз елдан соң инкыйраз» («Исчезновение через 200 лет», 1902–1904) Г. Исхаки, «Фәтхулла хәзрәт» («Фатхулла-хазрет», 1909) Ф. Амирхана, «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца», 1912) Г. Ибрагимова и мн. др.), Этот конфликт мы называем «структурообразующим», так как он является основой для презентации главной темы татарской литературы начала XX в. — «судьбы татарского народа».

После 1917 г. новая установка для татарской литературы — литературы старописьменной — заключалась в требовании представить революцию как возможность реализации общечеловеческих идеалов и теперь оппозиция перестраивается в зависимости от социального положения противостоящих: «мы» — борцы за новую социалистическую жизнь, а «они» — враги советской власти. Выдвижение идеи классовой борьбы приводит к изменению содержания борьбы старого и нового: если до революции она была связана с просвещением и развитием самосознания, этнической идентичности, и сторонники прогресса на этом пути призывали использовать и материальное, религиозное, культурное начала, то после — все «национальное» (как байское) становится объектом ненависти или насмешек.

Первые годы советской власти пришлось на период Гражданской войны. В прозаических произведениях реалистическое изображение происходящих с стране событий (основная тема — борьба за строительства новой жизни) сочетается с героической романтикой. Первым произведением, представившим структурообразующий конфликт татарской прозы в новом свете, стала повесть «Кызыл чәчәкләр» («Красные цветы», 1922) Г. Ибрагимова¹, который встретил революцию как видный писатель, ученый и общественно-политический лидер.

В повести описываются события периода Гражданской войны, ретроспекция уводит в «имперский» период; автор показывает жизнь пяти мальчиков-друзей из разных слоев, родившихся и выросших в одной деревне. События 1920-х гг. разделяют героев Ибрагимова на два лагеря: борцов за революцию (сыновья тружеников села), противников революционных перемен (сыновья бая и муллы).

Главный герой Султан говорит:

«Я люблю борьбу. Дни, проведенные без борьбы, считаю напрасными. Среди волн ожесточенной борьбы моя душа расслабляется, мое сердце набирается сил, энергии»².

Так появляется новый герой, который находит вдохновение в борьбе, в кровопролитии, отказывается от прошлого, друзей детства и начинает бороться против них — во имя светлого будущего страны. Описание дореволюционной татарской жизни, быта, этнографических моментов (строительство дома, осенние сельхозработы, вечерние игры молодежи, сватовство и т. д.) представляются в традиционном ключе; лиризм и игра с символами (красные цветы) также коррелируют с татарской прозой начала XX в.

Повесть открывает один из путей развития прозы в новых условиях: романтика борьбы приводит к описанию Гражданской войны не как разрушительной силы, как было в дореволюционной прозе (татарские прозаики осуждали Первую мировую войну), а как источник новой, счастливой жизни. Детализированное изображение татарского быта и условно-символическая оценка происходящего находятся в интертекстуальной связи с дореволюционными традициями. Так новое в татарской прозе переплетается с поэтической традицией.

В прозе в целом воспроизводится картина эпохи, в которой ключевыми являются несколько мотивов: Гражданская война как необходимый этап классового противостояния; поддержка новой власти народными массами; надежда на светлое будущее страны и татарского народа. Сторонники революции представляются положительными героями («мы»), противники («они») — врагами татарского народа. В рассказах Ш. Усманова³ «Краском мәхәббәте»⁴ («Любовь краскома», 1923), «Ил кызы»

¹ Галимджан Гирфанович Ибрагимов (1887–1938) — татарский писатель и языковед, общественный деятель. Один из зачинателей новой светской литературы в начале XX в. и татарской советской литературы.

² Ибрагимов Г. Кызыл чәчәкләр [Красные цветы] / Әсәрләр [Произведения]: 15 томда: 3 т.: хикәя, повестьлар, роман, драма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. (На татар. яз.).

³ Шамиль Хайруллович Усманов (1988–1937) — татарский советский писатель, драматург и политический деятель. Автор повестей «Легион юлы» («Путь легиона», 1928–1935), «Памирдан радио» («Радио с Памира», 1925) и др.

⁴ Усманов Ш. Повестьлар һәм хикәяләр [Повести и рассказы]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. (Все рассказы автора вошли в данный сборник сочинений. — Авт.). (На татар. яз.).

(«Дочь страны», 1923), «Югалган иман» («Утраченная вера», 1928), «Замана агымы» («Течение времени», 1929) отрицается даже спокойная жизнь в достатке, счастливая семья, поддерживается революционная борьба. Отдать жизнь ради будущего — превыше всего; так революционная борьба сочетается с любовной романтикой.

Конец 1920-х — середина 1930-х гг. становятся эпохой разрушения и перестройки российской культуры. Диктатура пролетариата, во главе которой стоял Ленин, а затем Сталин, сделала главным инструментом идеологического воспитания народных масс литературу. В татарском обществе начинается поиск ответа на вопрос, какой должна быть литература пролетариата. Отрицание художественных традиций, отказ от культурного наследия прошлого, восхваление новой жизни, социализация творческого процесса достигает предела: в татарской литературе возникает вульгарный социологизм. Между творческими деятелями, по-своему понимавшими принципы марксизма-ленинизма, существуют разногласия, которые мешают развитию искусства слова. Эти сложные процессы исследуются в трудах Ф. Г. Галимуллина¹. В монографии «Татарская литература: взгляд сквозь столетия» ученый пишет: «Литература советского периода, по определению самих теоретиков метода социалистического реализма, должна быть социалистической по содержанию, национальной по форме, на деле все сводилось к тому, что социалистическое содержание обретало вненациональный, абстрактный интернациональный характер» (Галимуллин, 2016: 48).

Советская власть начинает контролировать творчество писателей с конца 1920-х гг.: с этой целью в 1928 г. в Татарстане была создана Татарская ассоциация пролетарских писателей (ТАПП). С 1929 г., когда Е. Замятина и Б. Пильняка обвинили во вредительстве советской литературе и советской стране за публикацию своих романов за границей, государство переключается на открытую борьбу с инакомыслящими в русской и литературах народов СССР.

Татарская литература, развивавшаяся до 1917 г. в различных направлениях, в качестве главного метода выбирает реализм: начинается эпоха советского мифотворчества. «Его главной чертой, — писал Г. Халит, — было то, что он олицетворял собой масштабный революционный поворот и описание глубоких перемен, происходящих в сознании и настроениях широких народных масс»². Однако новое касалось не только тематики и проблематики, но и поэтики. Особый акцент делался на выражение авторской позиции.

Например, с началом коллективизации, по горячим следам, Фатих Хусни³ пишет роман «Жир тыңлы»⁴ («Земля слушает», 1931), который становится «первой ласточкой» в описании новой жизни татарской деревни. Однако его появление вызвало среди татарской творческой интеллигенции бурю негодования: в прессе появились статьи с осуждением автора, на читательских конференциях роман оценивали как «политически вредный, написанный в защиту кулацкой идеологии»⁵. Основным недостатком указывалось то, что произведение не было написано с классовых позиций, автор обвинялся в непонимании сути революционной борьбы. В конце концов Ф. Хусни был вынужден отказаться от своего произведения. В журнале «Атака» были опубликованы статьи, в которых писатель раскаялся за «допущенные ошибки», и извинения рецензента Сагита Файзуллина, за разрешение на печать романа⁶. Произведение было изъято из литературного процесса, сохранилось в архиве писателя.

Роман охватывает небольшой по времени отрезок (январь 1930 г.), но обилие персонажей и плотность событий придают ему масштабность. Главной причиной критики, по нашему мнению, стал отказ

¹ Галимуллин Ф. Г. Соотношение эстетического и социологического в татарской литературе 1920–30 годов: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1999; Галимуллин Ф. Г. Әле без туганчы... [Пока мы не рождены]: 1920–1930 еллар әдәби хәрәкәтенә бер караш [Взгляд на литературный процесс 1920–1930 годов]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001 (На татар. яз.); Галимуллин Ф. Г. (2004) Табигыйлеккә хилафлык [Искажение действительности]: XX гасырның 20–30 еллар татар әдәбиятының үсеш үзгәчлекләре [Особенности развития татарской литературы 20–30-х годов XX века]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. (На татар. яз.).

² Халит Г. Романтизмны һәм реализмны яклап [Защищая романтизм и реализм] // Казан утлары. 1967. № 8. Б. 105. (На татар. яз.).

³ Фатих Хуснутдинович Хусни (1908–1996) — татарский советский писатель, публицист, драматург, литературный критик. Автор известных произведений: повести «Йөзек кашы» («Перстень», 1942), романов «Жәяүле кеше сукмагы» («Тропа пешехода», 1957), «Утызынчы ел» («Год тридцатый», 1962).

⁴ Хәснә Ф. Утызынчы ел [Год тридцатый]: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. (На татар. яз.).

⁵ Матур әдәбият фронтында кулак идеологиясенә каршы [Против кулацкой идеологии на фронте художественной литературы] // Атака. 1931. № 5–6. Б. 6. (На татар. яз.).

⁶ Фатих Хәснә иптәшенең белдерүе [Заявление товарища Фатиха Хусни] // Атака. 1931. № 7. Б. 42–43. (На татар. яз.).

молодого Ф. Хусни от заданного Г. Ибрагимовым конфликта «мы — они». Умело используя приемы психологизма, прозаик раскрывает героев изнутри, через их духовный мир. Поэтому у каждого из них есть свои сомнения, свое отношение к жизни, изменениям в обществе. Описывая противоречия эпохи через судьбы людей, переплетая любовную линию с общественными проблемами, Ф. Хусни показывает себя талантливым писателем, прозаиком, достойным продолжателем традиций начала XX в. Однако, как пишет С. Хафизов, «Образность и юмор Фатиха Хусни были продолжены и в других его произведениях. Но такие важные качества таланта, как смелость, свободомыслие, общечеловеческий гуманизм, ярко проявившиеся в отвергнутом романе “Земля слушает”, были потеряны»¹.

Второго малоизвестного романа М. Амира² постигла схожая судьба: учитывая недостаточное освещение военной тематики в татарской литературе, писатель взялся за написание объемного произведения о том, как простой выходец из татарской деревни достиг командирского чина, как закалился его характер, о его нелегком жизненном пути. Отрывок из романа «Командир» был издан отдельной книгой в 1934 г.³ Поскольку произведение вызвало противоречивое отношение у литературной общественности, оно было в том же году специально рассмотрено на собрании Татарского обкома комсомола, позже обсуждение было продолжено в журнале «Совет әдәбияты» («Советская литература»).

Роман начинается с известия о том, что молодой герой Саубан был призван в армию. В большей части произведения описываются его детство, события предвоенных дней. Через яркие сцены, мастерски уловленные этнографические детали автор создает картину татарской деревни тридцатых годов.

Критики Латиф Заляй и Махмуд Максуд⁴ в качестве «недостатков» указывают на «политическую ошибку» автора. Они, в первую очередь, утверждают, что фон села 1928–1929 гг. показан неверно: влияние советской власти не ощущается. Во-вторых, Красная Армия описывается в слишком мрачных тонах. Недостатком также рассматривалось отсутствие в произведении пафоса интернационализма, а мечтания командира Муратова о татарском полку указывались как ошибочное понимание М. Амиром этнического вопроса. Автор романа, таким образом, обвинялся в непонимании диалектики жизни и в неумении изобразить патриотизм советского народа, в национализме. В целом осуждение произведения, по оценке Ф. Галимуллина «ставшего важной ступенью в достижении художественной достоверности», «являющегося одним из самых удачных произведений М. Амира, написанных по логике характера» («Сәнгатьчә дәрәслеккә ирешүдә әһәмиятле баскыч булган әлеге роман М. Әмирнең характер мантыйгы буенча язылган иң уңышлы әсәрләренең берсе»⁵), было нацелено на искоренение этнокультурных традиций, сильного этнического характера из татарской литературы. Полный текст романа сохранился в только рукописном варианте.

В условиях идеологических ограничений и запретов татарские прозаики искали возможность сохранения читательской аудитории своих произведений. Например, популярность повести Аделя Кутуя⁶ «Тапшырылмаган хатлар» («Неотосланные письма», 1935)⁷, в первую очередь, была обеспечена тем, что главная героиня Галия была изображена в традиционном амплуа татарской женщины, в то же время обладающей цельным характером человека нового времени. В качестве главных героев татарская проза все чаще выбирает партийных руководителей — преимущественно представителей русского этноса. Сильные и смелые герои — татары «вернулись» на страницы татарской прозы только в период Великой Отечественной войны, на страницах «фронтной» прозы.

¹ Хафизов С. Гаугалы роман [Роман, вызвавший дискуссии] // Социалистический Татарстан. 1991. 2 августа. Б. 5. (На татар. яз.).

² Мирсай Масалимович Амиров (1906–1980) — татарский прозаик и драматург, переводчик, журналист, государственный и общественный деятель. Знаменитые произведения: повесть «Агидель» (1936), драма «Миникамал» (1944), роман «Саф күңел» («Чистая душа», 1964).

³ Әмир М. Командир: роман. 1 кит. Казан: Татгосиздат, 1934. (На татар. яз.).

⁴ Жәләй Л. Киң җәймәдәге таптар [Пятна на полотне] // Совет әдәбияты. 1934. № 9. Б. 81–89; Максуд М. Тагын «Командир» романы турында [Еще раз о романе «Командир»] // Совет әдәбияты. 1935. № 7. Б. 85–89. (На татар. яз.).

⁵ Галимуллин Ф. Реализммы, романтизммы? [Реализм или романтизм] // Табигыйлеккә хилафлык [Искажение действительности]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. Б. 32–33. (На татар. яз.).

⁶ Адел Нурмухамедович Кутуй (1903–1945) — советский татарский писатель-фантаст, поэт и драматург, журналист, военный корреспондент. Знаменитые произведения: «Тапшырылмаган хатлар» («Неотосланные письма», 1935), «Рәстәм мажаралары» («Приключения Рустема», 1945).

⁷ Кутуй Г. Тапшырылмаган хатлар [Неотосланные письма] // Совет әдәбияты. 1935. № 9–10, Б. 40–57; № 12. Б. 42–62. (На татар. яз.).

Таким образом, ранний период татарской советской литературы ознаменовался сложным переплетением новых идеологических установок и унаследованных художественных традиций. Революция, воспринятая как возможность национального и социального освобождения, вскоре обернулась жесткой диктатурой, наложившей отпечаток на литературное творчество. В татарской прозе структурообразующий конфликт «мы — они», указывающий на противостояние в татарском обществе сторонников традиционализма и прогресса, получил новый смысл, обозначив борьбу за новую социалистическую жизнь с врагами советской власти. В результате на смену главной темы татарской литературы начала XX в. — «судьбы татарского народа» — пришла тематика борьбы за новую социалистическую жизнь. Первые попытки осмысления новой действительности (повести Г. Ибрагимова, рассказы Ш. Усманова) сочетались с романтизацией классовой борьбы. Однако стремление к реалистичному изображению жизни, к раскрытию внутреннего мира человека в эпоху перемен, как в романах Ф. Хусни, М. Амира, наталкивалось на жесткую критику и идеологическое давление. Трагические судьбы произведений, не вписывавшихся в рамки пролетарской идеологии, свидетельствуют о том, что советская литература, призванная отражать «революционный поворот», зачастую становилась инструментом подавления свободы творчества и искажения художественной правды. Вместе с тем, введение в научный оборот таких произведений, долгое время остававшихся под негласным запретом советской идеологии, указывает на то, что следующие произведения их авторов уже соответствовали требованиям соцреализма, но продолжали некоторые поэтические традиции дореволюционной татарской прозы (использование лирических отступлений и философские обобщения при их помощи, детальное описание этнической жизни, создание второстепенных героев в амплу татарских характеров и т. д.). Благодаря этому татарская проза сохранила свою аудиторию, а Фатих Хусни, Мирсай Амир стали ведущими прозаиками советской литературы.

Художественные предпочтения и попытки обойти идеологические ограничения (1941–1955 гг.)

Проза периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет составляет отдельную страницу истории литературы, в которой изображение человека в необычных условиях испытания нравственности и чести, осуждение великой трагедии позволило авторам чуть свободней обращаться с поэтическими традициями дореволюционной татарской литературы. Прежде всего, меняется содержание конфликта «мы — они»: советские люди, борцы за свободу родины противопоставляются завоевателям. Это дало возможность разнообразить подходы к характеру советского человека.

Основным объектом в творчестве писателей является изображение прекрасных отношений между людьми: дружбы, братства, любви, взаимовыручки, взаимоуважения — несмотря на суровые испытания жизни. В рассказах прозаики начинают активно использовать символы и символические образы (что не поощрялось литературоведением и критикой в конце 1930-х гг.), через которых представляют эмоциональную оценку происходящего. Например, в рассказах М. Амира «Курай»¹ (1943) и «Сьерчык»² («Скворец», 1943) представленные в сильной позиции — в названиях произведений — символы обозначают и мирную жизнь, и традиции татарского народа, и духовное начало, тем самым противопоставляются жестокости войны, становятся структурообразующим приемом.

В годы Великой Отечественной войны татарский рассказ меняется в сюжетно-композиционном и стилистическом планах. Немаловажную роль в этом сыграли его оперативность и лаконичность, которые позволяли обобщенно показать военные действия и характер человека — солдата-татарина. В патриотических целях было разрешено использовать этническую символику и традиционные образы. Как отмечает Н. Гыйззатуллин, в татарской прозе этих лет наметились два четко определенных стилевых направления: первое — проявление героического характера в сложных событиях и использование сюжета в качестве основного средства для этих целей. Второе — стремление во всех нюансах передать внутренние переживания советского человека в годы войны, раскрыть диалектику

¹ Эмир М. Курай // Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. 3 т. Б. 121–135. (На татар. яз.).

² Эмир М. Сьерчык [Скворец] // Эмир М. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. 3 т. Б. 214–217. (На татар. яз.).

человеческого духа¹. Например, в романе А. Абсалямова «Газинур» ярко проявляется героизм солдата, бросившегося закрыть своим телом фашистскую амбразуру. При этом автор объектом изображения использует не действие, а переживания человека в момент принятия решения, а также детализированное описание детства и юношества героя, семью, этническую среду — как самых важных факторов в формировании характера личности, способной ценою жизни защищать родину.

Так в татарскую прозу «возвращается» сильная личность с его индивидуальными переживаниями, своей собственной судьбой, личными обстоятельствами, которая в 1930-е гг. была вытеснена «массами», руководимыми партией. Герой как представитель «мы» противопоставляется «им» — врагам, завоевателям.

«Оставаясь верными тому, что в центре литературы должен стоять человек, его судьба, его чувства, писатели в рассказах военного времени изображают войну как катастрофу, разрушающую человечество, а человеческую жизнь — как непреходящую ценность. Поэтому мы считаем, что первые шаги к возрождению этнических традиций в татарской литературе, появившиеся в 1960-е годы, дают о себе знать уже в литературе военного времени» (Загидуллина, 2008: 132).

Д. Ф. Загидуллина приводит в пример психологические рассказы А. Еники: «Бала» («Ребенок», 1941), «Ана һәм кыз» («Мать и дочь», 1942), «Бер генә сәгатькә» («Лишь на час», 1944), «Ялгыз каз» («Одинокая гусыня», 1944), «Мәк чәчәге» («Маковый цветок», 1944).

Повесть Фатиха Хусни «Йөзек кашы»² («Перстень», 1942), занимавшая важное место в истории татарской литературы, выделяется на фоне советской литературы последних двух десятилетий тем, что утверждает противоречивость самой правды жизни. И сюжет, и язык-стиль, сочетание изобразительных средств, и глубокий психологизм, композиционная целостность — ставят это произведение в ряд прекрасных образцов классического словесного искусства. Больше всего примечателен сложный характер главного героя Айдары. С одной стороны, он — предубежденный бунтарь, горячая голова, с другой — парень с чистой душой, искренний и любящий, способный не задумываясь отдать жизнь во имя родины.

Лирическое начало повести с первых строк настраивает читателя на эмоциональное восприятие. В деревню приехал торговец яблоками, и запах яблок распространился на всю округу. Сердце маленького Айдары занимает дочь торговца яблоками. Не случайно девочка бросает мальчику яблоко: яблоко — символ красоты, чистоты, любви. Лирическая приподнятость в начале произведения сменяется психологической напряженностью в перипетиях непростой любовной ситуации Айдары и Васили, но сохраняется до конца повести.

С этого времени в татарской прозе заявляет о себе лирико-эмоциональное начало, сменившее патристический пафос советской «красной» литературы.

На первый взгляд, характер Айдары, его необдуманные поступки, тревожащие возлюбленную Василию, близких, должны вызывать только ненависть. Однако за искренность, безжалостный протест против несправедливости, смелость, отвагу читатель симпатизирует ему. Это особенно заметно в сравнении с восприятием образа Гусмана, который является его противоположностью. С детства в душе мальчика росло чувство зависти и ревности по отношению к Айдару, в результате он не только разлучил два молодых сердца, но и обрек себя на печальную и позорную смерть.

Разделение героев на положительных и отрицательных восходит к устному народному творчеству, преобладает в просветительской и соцреалистической литературах. Для татарского читателя советского времени оно служило средством воспитания. Айдар не уместается в это «прокрустово ложе»: он — герой с противоречивым характером.

В словах автора:

«Достоин ли он быть примером для подражания, скажут мне здравомыслящие критики. Заранее отвечу, что нет. Напротив, многие его качества мне тоже не нравятся. Но жизнь — это и есть жизнь, законы которой не могут считаться ни моими, ни твоими. Да, в жизни есть и Айдары. Они — пример для подражания или нет? Но такие есть, и, следовательно, они имеют право «вписаться в песню»»³

¹ Гыйззәтуллин Н. Хикәяләр остасы [Мастер рассказов] // Социалистик Татарстан. 1967. 30 апр. С. 4. (На татар. яз.).

² Хәснә Ф. Йөзек кашы [Перстень] // Хәснә Ф. Бер яшьлектә, бер картлыкта [И в молодости, и в старости]: повестьлар, хикәяләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. Б. 8–52. (На татар. яз.).

³ Там же. Б. 13.

видны его гуманистические взгляды, аксиологическое отношение к человеку, при котором человек рассматривается не только как общественный продукт, выполняющий партийные решения, но прежде всего — как ценность.

Рассказ А. Еники¹ «Бер генә сәгатькә»² («На один только час», 1944) повествует о том, как молодой солдат, проезжая в эшелоне через родную деревню, заходит к родителям, родственникам. Писатель мастерски, в психологических деталях передает душевные переживания своих героев, пережитые за час, отведенный военному. Считывание минут в произведении настраивает читателя на напряженное состояние. Раскрывается красота взаимоотношений между людьми, связанных узами родства и любви. Философия о том, что счастье человека состоит из счастливых моментов, представляется в изображенных с этнической точностью характерах и этнографическом описании действительности.

Таким образом, война возвращает литературе психологизм и этнические образы главных героев-татар, выдвигает на передний план гуманистические идеи.

В послевоенные годы резких изменений в политико-общественной жизни не произошло, наоборот, «с окончанием Великой Отечественной войны кратковременное послабление нормативной концепции в словесном искусстве, которое было возможно в условиях суровой военной действительности, вновь стало неактуальным в рамках доминирующей в литературе монистической концепции» (Надыршина, 2022: 201). Главной темой оставалась война.

Мирная жизнь позволяет писать большие полотна: развиваются жанры романа и повести. В романах Г. Баширова «Намус» («Честь», 1948), А. Абсалямова «Алтын йолдыз» («Золотая Звезда», 1948), «Газинур» (1950), Ф. Хусни «Жәяүле кеше сукмагы» («Тропа пешехода», 1945–1957), К. Наджми «Язгы жилләр» («Весенние ветры», 1948), А. Файзи «Тукай» (1950), дилогии М. Амира «Саф күңел» («Чистая душа», 1954–1959), трилогии И. Гази «Онытылмас еллар» («Незабываемые годы», 1949–1966) отражены непобедимый дух народа, военные подвиги, тяготы тыловой жизни, историко-революционное прошлое, судьбы людей, послевоенная жизнь села. Хотя соцреализм остается основным принципом, прозаики стремятся осветить жизненный материал в контексте народной жизни, через сильные характеры героев.

В этот период активизируется формирование негативного мнения о прошлом татарского народа, оценка падения Казанского ханства как прогрессивного явления, дискредитация влияния Востока на татарскую литературу. Если «мы» относится к советскому человеку, то «они» в негативном ключе — к прошлому народу. В это время творчеству многих дореволюционных писателей было наложено табу, многие прозаики обвинялись в буржуазном национализме.

Опять популяризируется схематизм в представлении советского общества, который появился в 1930-е годы в рамках принципа интернационализма: прозаики пишут о советской действительности, о руководящей роли героя-коммуниста, в большинстве случаев — русского по происхождению. Однако начиная с середины 1950-х гг. появляются такие повести как «Рәхмәт, иптәшләр»³ («Спасибо, товарищи», 1952) А. Еники, «Авыл өстендә йолдызлар»⁴ («Звезды над деревней», 1953) Ф. Хусни, «Авылдашым Нәби»⁵ («Односельчанин Наби», 1957), «Йолдызым»⁶ («Звезда моя», 1960) Р. Тухфатуллина, в которых хотя и затрагивается вопрос партийного руководства, но авторы выдвигают на первый план описание человеческой психологии, говоря о личном счастье простых людей.

В целом, проза периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет стала важным этапом в развитии татарской литературы. Война, став трагическим испытанием для народа, одновременно послужила катализатором для переосмысления художественных приемов и обращения к глубинным ценностям. Писатели, стремясь запечатлеть героизм, страдания и надежды современников, обогатили литературу психологизмом, поэтикой символов и вниманием к этническим образам. Несмотря на

¹ Амирхан Нигметзянович Еникеев (1909–2000) — татарский писатель-прозаик, публицист. Знаменитые произведения: повести «Саз чәчәге» («Болотный цветок», 1955), «Рәшә» («Марево», 1962).

Еники Ә. Бер генә сәгатькә [На один только час] // Ә. Еники. Әсәрләр: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. 1 т.: хикәяләр. Б. 27–46. (На татар. яз.).

² Еники Ә. Рәхмәт, иптәшләр [Спасибо, товарищи]: повесть. Казан: Таткнигоиздат, 1954. (На татар. яз.).

³ Хусни Ф. Авыл өстендә йолдызлар [Звезды над деревней]: повесть. Казан: Таткнигоиздат, 1955. (На татар. яз.).

⁴ Төхфәтуллин Р. Авылдашым Нәби [Односельчанин Наби]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. (На татар. яз.).

⁵ Төхфәтуллин Р. Йолдызым [Звезда моя]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1962. (На татар. яз.).

идеологические ограничения послевоенного периода, татарские прозаики продолжали искать пути к созданию правдивых и глубоких произведений, в центре которых находилась судьба человека. Постепенно, сквозь призму соцреализма, пробивалось стремление к более тонкому изображению человеческих переживаний, к показу личного счастья простых людей. Это создало предпосылки для дальнейшего развития татарской литературы, которая, несмотря на все трудности, смогла сохранить свою самобытность и гуманистическую направленность.

Литература военного и послевоенного времени заложила основу для возрождения этнических традиций, проявившихся в полной мере в последующие десятилетия.

Возрождение этнокультурных традиций в многообразной тематике произведений (1960–1985 гг.)

В 1960–1985 гг. татарская литература достигла высокого уровня развития. Социально-культурный подъем в стране, рост демократии привели к тематическому расширению литературы, разнообразию жанров; росла смелость писателей, отстаивающих этнические интересы.

Этому способствовало начало «оттепели». Общественно-политические изменения, происходящие в стране, позволили писателям дышать более свободно. Разоблачение культа личности, реабилитация имен многих талантливых татарских поэтов и прозаиков, возвращение дореволюционных произведений в народ оживляют литературный процесс. Как пишет Д. Ф. Загидуллина:

«Появляется возможность творить по образцу вершинных произведений, продолжить традиции, заложенные в литературе в начале XX века. Поэтому возрождение татарской литературы 1960-х годов кажется возвращением к этнокультурным традициям, в некоторой степени продолжением поисков модернизма, пережившего подъем в начале XX века» (Загидуллина, 2015: 5).

Татарская проза обогащается различными поэтическими приемами. Это, в первую очередь, отражается в изображении советской действительности. Так, писатели начинают указывать и на недостатки коммуниста-руководителя, который до этого изображался только в позитивном ключе. Эту возможность открывает А. Еники, его повесть «Саз чэчәге» («Болотный цветок», 1955).

Герой повести Шакир Мустафин, работавший вторым секретарем райкома, после гибели жены и дочери в автокатастрофе женится на девушке по имени Назия. Начав жить с молодой женщиной, Мустафин отошел от забот об интересах народа и стал рабом частной собственности. Автор прослеживает потерю человеком своей принципиальности, уделяя особое место его внутренним раздумьям. Оторванность руководителей от жизни простого народа выступает в качестве причины, порождающей пропасть между ними.

В данном произведении А. Еники поднимает две большие проблемы. Если одна из них, как уже говорилось, связана с негативным описанием главного героя и через это описание писатель ставит под сомнение деятельность членов партии, то другая — с Назией. Автор уделяет немало внимания раскрытию этого образа. Шакир поначалу влюбляется в молодость и красоту девушки, но со временем понимает, что она духовно пуста. «Ему казалось, что он будет счастлив с нежной, как цветок, Назией, будет гордиться ею, и в то же время думал о том, что с женщиной, которая ничего не знает и не думает, он может стать посмешищем в глазах людей, станет глубоко несчастным»¹.

Автор использует цветок, растущий на болоте, как символ внешней красоты при внутренней пустоте человека. С одной стороны, истинное счастье бывает только тогда, когда внешняя красота наполняется духовным богатством, подчеркивает он. С другой стороны, стремление людей к богатству, забота только о материальной стороне — намек на то, что это приведет общество к болоту — заставляет задуматься о проблеме, которая актуальна во все времена.

Таким образом, в этот период появляется новая модель конфликта «мы — они», которая указывает на наличие в обществе людей, не соответствующих советским меркам. Тем самым берется под сомнение правильность самой коммунистической партии. Для этого автор включает в свое произведение несколько эпизодов (например, с сахарным песком, который в неограниченном количестве доступен только определенным категориям людей; со строительством частного дома; с домом, бытом, жизнью

¹ Еники Ә. Саз чэчәге [Болотный цветок] // Ә. Еники. Әсәрләр [Произведения]: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 2 т.: повестлар. Б. 145. (На татар. яз.).

ветерана войны и т. д.), указывающих, что система разделяет людей на два лагеря, в зависимости от положения в обществе. Детально описывая жизнь и быт властимущих и простых тружеников, не делая обобщения, тем не менее, автор заставляет задуматься о причинах такого явления.

Татарская проза периода оттепели все же избегала прямых оценочных суждений, что нашло отражение в активности автобиографического жанра. С одной стороны, у татарских прозаиков появилось желание по-новому оценить историческое прошлое, донести свою точку зрения на главные события XX в.: коллективизацию и индустриализацию, культ личности, Гражданскую войну и т. д. С другой стороны, автобиографическое произведение позволяло свести этот разговор к истории отдельно взятого человека.

По мнению Г. Р. Гайнуллиной, «в поисках истины писатели обращаются к личным биографиям. Эти произведения становятся важным достижением послевоенной прозы» (Гайнуллина, 2012: 5). Например, автобиографическая повесть Ф. Хусни «Минем тәрәзәләрем»¹ («Мои окна», 1962–1964) — не просто автобиография, состоящая из обыденных воспоминаний. С одной стороны, произведение написано как того требует жанр в форме воспоминаний из личной жизни автора и дает исчерпывающую информацию о жизненном пути и этапах творческого развития писателя, с другой — примечателен своей идейно-эстетической ценностью. Писатель описывает вопросы литературного творчества и события в жизни страны через свои личные переживания.

Вступление во взрослую жизнь простого крестьянского сына, родившегося и выросшего в деревне, устремление к великим целям, становление человеком, пройдя через сложности и невзгоды, через горькие переживания — все это описано живым, легким с юмором языком. На примере своей жизни рассказчик показывает, что секрет счастливой жизни кроется в сочетании заботы об интересах народа с личными достижениями.

Ученые-литературоведы Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий, констатируя особенность русской литературы 1960–1970 х гг., пишут: «Прорыв из-под глыб тоталитарного сознания, который начался в годы “оттепели”, расшатывание жесткой парадигмы соцреализма и поиски иных путей художественного освоения действительности уже не удалось остановить в годы политического застоя и идеологических “заморозков”»².

Повесть Г. Баширова³ «Туган ягым — яшел бишек» («Родная сторона — зеленая колыбель», 1968) — одно из первых произведений, в котором светлыми красками изображен дореволюционный уклад жизни татарского народа. С одной стороны, она автобиографична: писатель пишет воспоминания о детстве и юности, с другой — описывает татарскую деревню начала XX в. в историко-панорамном плане. Кроме того, через своего молодого героя автор показывает роль ислама в дореволюционной жизни татарского народа.

1960-е гг. в советском обществе сохранялось резко негативное отношение к религии. С одной стороны, государство запрещало религию и проводило против нее жесткую политику борьбы. Если в 1920–1930-е гг. эта борьба носила агитационный характер, то в 1950–1960-е гг. пропаганда атеизма стала вестись с научной точки зрения. С этой целью выходят многочисленные статьи и труды, к примеру, труды П. Ф. Колоницкого, З. С. Ахмерова, Р. Г. Балтанова⁴ и др. Татарским прозаиком Г. Губаев⁵ с атеистических позиций была написана книга «Коръән серләре» («Тайны Корана», 1967)⁵. Вместе с

¹ Хусни Ф. Минем тәрәзәләрем [Мои окна (в мир)]: повесть. Казан : Татар. китап нәшр., 1965. (На татар. яз.).

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е гг.; пособие для студ. высш. учеб. заведений в 2 т. М.: Издательский центр «Академия», 2003. Т. 2. 1968–1990. С. 13.

² Гумер Баширович Баширов (1901–1999) — татарский советский писатель, военный корреспондент, ученый-фольклорист и общественный деятель. Знаменитые произведения: романы «Намус» («Честь», 1948), «Жидегән чишмә» («Семь звонких ключей», 1977–1978), повесть «Туган ягым — яшел бишек» («Родимый край — зеленая моя колыбель», 1967).

³ Колоницкий П. Ф. Мораль коммунистическая и мораль религиозная. М., 1952; Ахмеров З. С. Воспитывать атеистов. Из опыта работы школ Татарской АССР. М., 1962; Балтанов Р. Г. Утверждение коммунистической нравственности и борьба с пережитками морали ислама: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 1963; Балтанов Р. Г. Реакционная сущность Корана. Казань, 1962.

⁴ Гариф Шакирович Губайдуллин (1907–1983) — советский поэт и писатель, государственный и политический деятель. Известен детскими произведениями: «Маякчы кызы» («Дочь бакеншика», 1938), «Замана балалары» («Дети нашего времени», 1945), «Маратның язмышы» («Судьба Марата», 1956).

⁵ Гобәй Г. Коръән серләре [Тайны Корана]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. (На татар. яз.).

тем, писатели, почувствовав некоторое послабление в годы войны, стали смелее использовать в своих произведениях религиозные мотивы, образы, чаще обращаться к религиозно-духовным ценностям. Это прослеживается и в повести Г. Баширова «Родная сторона — зеленая колыбель» (1967).

Произведение можно условно разделить на три части по отношению к рассказанным событиям и стилю повествования. В первых главах повести описывается беспечное детство героя: рождение жеребенка, Сабантуй, сенокос и жатва, молодежные вечеринки, свадебные обряды — в этнографической детализации. Писатель раскрывает мировоззрение, образ жизни, духовный мир народа. С любовью и ностальгией вспоминаются детские катания на санках зимой, засушливые дни летом, приготовление «вороньей каши», уход за лошадьми. Далее следует период ученичества Гумера: учеба у абыстай¹, жизнь в медресе; здесь изображается стремление главного героя получить образование, борьба народа за веру, единство.

Новизна повести в том, что Г. Баширов показывает обряды, которые до этого рассматривались в литературе как «пережиток старины», источниками красоты и света. Это отражается и на отношении автора к религиозным традициям, религиозным деятелям, медресе. Конечно, в 1960-е гг. было невозможно описать их напрямую, но по повествуемым событиям, по отдельным деталям можно понять, что писатель относился к религии с уважением.

В советской литературе наряду с религией отрицательно характеризовались и религиозные деятели. «Они» рассматривались по другую сторону лагеря — в ряду угнетателей народа — и изображались как объект зла или смеха. В условиях соцреализма писатель вынужден был относиться к персонажам в зависимости от их социального происхождения. В повести Г. Баширова чувствуется антипатия Гумера к богатым, помещикам. Однако к богословам герой относится положительно. Это видно и при описании их внешности. Фатима абыстай, обучившая читать, показалась мальчику «высокой, стройной, красивой тетей, с длинным белым лицом»². О мулле деревни Каенсар Гумер отзывался так:

«это был молодой человек стройного телосложения, красивой внешности. Большой радостью для нас становится и то, что он приходит два-три раза в неделю. Во всяком случае, приятно было наблюдать за его красивым лицом, белоснежной фигурой, а также за тем, как его густые черные брови дрожат при разговоре с учениками»³.

Гумер учился в медресе своей деревни у Забихуллы хальфы. При описании жизни медресе, обучения в нем писатель останавливается на образе этого учителя. Написав: «он — самый вежливый, образованный, самый примерный человек в деревне, после муллы и муэдзина» («ул авылда, мулла белән мәзиннән кала, иң әдәпле, иң гыйлем, иң үрнәк кеше»), автор одним из первых в прозе советского периода показывает интеллигентность, благородство и авторитет религиозных деятелей среди татарского народа. Также в ряде мест говорится, что преподаватели религии обучают детей бесплатно или за очень небольшую плату. В произведении подчеркивается, что ислам является образом жизни для татарского народа дореволюционной России. Беседы Мухамеджана солдата и Башира ага автор приводит специально для того, чтобы донести до советского читателя свои мысли относительно религии.

Как указывает Д. Ф. Загидуллина:

«Произведение, целиком посвященное описанию татарской деревни начала XX века, воссоздает красоту дореволюционной жизни, стремление к знаниям и свету, теплые отношения между людьми, красоту добрых традиций. Как будто оно написано с целью объяснить, донести до татарского читателя, что татарская действительность до 1917 года не было местом невежества и мрака, как повторяла советская идеология» (Загидуллина, 2015: 226).

Пробуждение этнического самосознания в 1960-е гг. вызвало у народа интерес к своему прошлому. Одним из первых к художественному освещению истории древности взялся Н. Фаттах⁴. В его романе

¹ Абыстай — супруга муллы, обучающая детей.

² Баширов Г. Туган ягым — яшел бишек [Родная сторона — зеленая колыбель]: повесть // Баширов Г. Әсәрләр [Произведения]: 4 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. 2 т. (На татар. яз.).

³ Там же. С. 113.

⁴ Нурихаан Садрильмаанович Фаттах (1928–2004) — татарский писатель, переводчик, автор сочинений по истории и лингвистике. Знаменитые произведения: повести «Сезнеңчә ничек?» («Как по-вашему?», 1955), «Медир Сажидә» («Заведующая Саджида», 1968); исторические романы «Этил суы ака торур» («Итил-река течет», 1960), «Сызгыра торган уклар» («Свистящие стрелы», 1984).

«Этил суы ака торур¹» («Итиль-река течёт», 1969) описываются события начала X в. — периода принятия ислама Волжской Булгарией. С середины 1980-х гг., когда началось новое понимание и изучение истории, стало возможным осветить эпоху Казанского ханства, и писатели стали обращаться и к страницам этой сложной и трагической истории.

Исторические произведения раскрывают этнические ментальные особенности народа, его уникальный характер. Исследователь исторических произведений А. М. Сафина пишет: «Национальный характер в исторических произведениях раскрывается посредством создания такого типа, который вбирает в себя представления о глубинных традициях народа, весь духовно-нравственный опыт предшествующих поколений и эволюцию его под влиянием времени»².

Историк А.Г. Галлямова, оценивая постсталинский период заявляет:

«Несмотря на репрессии и идеологические императивы, установить тотальный контроль над умами и действиями людей властям не удалось. Ужесточение идеологии оказывало иногда на общество прямо противоположное значение — усиливало творческую энергию. При всем казавшемся незыбленным господстве официальной идеологии в обществе сохранился и зрел гражданский активизм, пусть и в ограниченном зародышевом состоянии» (Галлямова, 2015: 451).

Эту мысль ученой можно экстраполировать и на сферу литературы.

Хотя и не напрямую, но в творчестве молодых писателей прослеживаются отдельные примеры критики коммунистической идеологии с использованием подтекста, эзопова языка. В рассказе Р. Батуллы³ «Монар»⁴ («Мираж», 1966), озадачившем в свое время многих читателей своим подтекстом, двое мужчин, Исангул и Рауф, перепутав дорогу, заблудились. Писатель мастерски, при помощи психологических деталей описывает беспомощность человека, оказавшегося в пустыне.

Жажда, неопределенность, угроза неминуемой смерти выводят героев из себя. Со временем на глазах у Исангула неподалеку появляется силуэт города. Рауф пытается привести спутника в сознание, но не желая его слышать, Исангул отправляется в неизвестность. Зная, что это всего лишь мираж, Рауф был вынужден уйти вслед за товарищем. Рассказ-метафора повествует о том, что одни искренне верят в идею коммунизма, обманываются, другие вынуждены следовать за ними. Молодой Батулла говорит об этом в период «расцвета коммунизма».

В начале 1950-х гг. в юго-восточных районах Татарстана была обнаружена нефть, и за два десятилетия республика стала крупным нефтедобывающим регионом Советского Союза. ГЭС, заводы, гигантские стройки сильно поменяли индустриальный облик Татарстана. В официальной литературе появились многочисленные произведения, освещающие сферу производства: в литературу приходят новые темы, новые герои. В них преобладает энтузиазм, светлые мечты молодых людей, строящих новую жизнь. При этом некоторые прозаики обращают внимание и на другие стороны вопроса. Небрежное отношение нефтяников к Земле, истощение и порча плодородных черноземов не оставляют их равнодушными.

Сначала такие экологические проблемы освещались в очерках, затем поднимались в таких повестях, как «Икмәк кадере»⁵ («Цена хлеба», 1972) М. Хабибуллина, «Чатта тукталу»⁶ («Остановка на перекрестке», 1978) Р. Тухфатуллина. Писатели придавали значение раскрытию психологии земледельца, постепенно переходя от публицистической остроты к литературной. Так расширяется конфликт «мы — они»: оппозиция «они» стала относиться к чиновникам, не думающим о народе, равнодушным к состоянию природы, к этническим ценностям.

¹ Фәттах Н. Этил суы ака торур [Итиль-река течёт]: тарихи роман [исторический роман] Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. (На татар. яз.).

² Сафина А. М. Национальный характер в татарской исторической прозе (вторая половина XX века): автореф. дис. ... канд.-та филол. н. Казань, 2010. С. 11.

³ Рабит Батулла (Роберт Мухлисович Батуллин) (1938) — татарский общественный деятель, театральный режиссёр, педагог, писатель, драматург, публицист и сатирик. Автор исторического романа «Сююмбике» (1992).

⁴ Батулла Р. Монар [Мираж] // Батулла Р. Ташламам, жанкисәгем [Не брошу, душа моя]: хикәяләр [рассказы]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980.

⁵ Хәбибуллин М. Икмәк кадере [Цена хлеба] // М. Хәбибуллин. Унсигезенче яз [Восемнадцатая весна]: повестлар, хикәяләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. Б. 35-72. (На татар. яз.).

⁶ Төхфәтуллин Р. Чатта тукталу [Остановка на перекрестке]: повесть // Казан утлары. 1987. №7. Б. 110-132. (На татар. яз.).

В татарской литературе 1960-х гг. сформировалось типологически близкое к деревенской прозе течение, которое охватывает произведения, посвященное деревенской тематике. По мнению Л. Б. Четыровой и А. С. Сахарова, оно противопоставляется социалистическому реализму по следующим параметрам: герои преклонного возраста, потеря родной земли в результате научно-технического прогресса, отсутствие героики. Маркерами соцреализма она выделяет: определение молодого человека центральным героем, разворачивание событий на стройке или на поле боя, героика, антагонизм и счастливый финал. «Трагизм, лишенный национальной героики, с которым в произведениях описываются последствия политических событий или, что еще более характерно, вмешательства метрополии в деревенскую жизнь, например, коллективизации, позволяет нам говорить о колониальной ране советского крестьянства — неспособности адаптироваться в чуждом им современном советском мире» (Четырова, Сахаров, 2023: 105).

Необходимо подчеркнуть, что до 1980-х гг. в татарской литературе существовал метод социалистического реализма, который был присущ и произведениям, посвященным деревенской тематике (творчество И. Гази, Р. Тухфатулина, Б. Камалова). Но зачастую писатели «деревенщики» в основных проблемах расходились с соцреализмом. В отличие от писателей соцреализма, воспевающих красоту сегодняшнего дня, представители деревенской прозы ищут красоту в прошлом, видят ее в традициях, в душевном богатстве человека земли, представляют деревню как место сохранения традиционных нравственных ценностей. Если в 1960–1970-е гг. татарская деревенская проза характеризовалась изображением тяжелой послевоенной жизни, событий, связанных с колхозным руководством, размышлениями героя о жизни, то в 1970–1980-е гг. наблюдается противопоставление сельской и городской жизни, представление человека как дитя природы, усиление философских и психологических начал. Самое главное — деревенская тематика акцентирует в литературе этническое начало. В произведениях часто используются образы-мотивы рода и народа, исторической памяти, родословной. Писателей волнуют смена поколений, сужение сферы употребления родного языка, нравственные и экологические катаклизмы.

Проблема смены поколений — одна из главных — в 1970-е годы приобретает новое содержание: в творчестве представителей русской деревенской прозы В. Г. Распутина, В. П. Астафьева, Ф. А. Абрамова и др. она поднимается параллельно с вопросами нравственности, традиций, охраны природы. В татарскую литературу эта тема вошла в середине 1960-х гг., татарскими прозаиками сохранение связи между поколениями разъясняется как обязательное условие передачи этно-ориентированных ценностей.

Среди прозаиков одним из первых этот вопрос затрагивает А. Еники. В его повести «Әйтелмәгән васыять»¹ («Невысказанное завещание», 1965) главная героиня Акъэби, «которая видит свой материнский долг в сохранении духовно-культурных ценностей» (Ганиева, 2022: 625), не смогла их передать следующим поколениям. Этот разрыв в смене поколений, вызванный историко-политическими причинами, понимается автором как боль за будущее своего народа.

Повесть Р. Батуллы «Юл буенда зәңгәр чәчәк»² («У дороги голубой цветок», 1985) — одно из последних произведений советского периода, посвященных деревенской тематике. События повести охватывают период от Великой Отечественной войны до 1980-х гг. и изображают татарскую деревню в общественном, философском, психологическом и нравственном плане. Образ голубого цветка, вынесенный в название произведения, становится символом красоты, и отношение героев к прекрасному (справедливость, милосердие, отзывчивость) являются определяющими их жизненных принципов факторами.

В произведении события разворачиваются вокруг главного героя Ярмухамета. Трагедии, вызванные войной и красным террором, рассматриваются в моральном ракурсе. Показано, что раны, нанесенные тяжелыми переживаниями, не заживают с течением жизни, а, наоборот, лишь подрывают этнические основы самосознания.

Повесть считается одним из ярчайших образцов деревенской прозы. Она коренным образом изменила татарскую литературу.

¹ Еники Ә. Әйтелмәгән васыять [Невысказанное завещание] // Еники Ә. Әсәрләр [Произведения]: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. 3 т.: повестылар. Б. 7–45. (На татар. яз.).

² Батулла Р. Юл буенда зәңгәр чәчәк [У дороги голубой цветок]: повесть. Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. (На татар. яз.).

Деревенская тематика выступает как завершающее явление литературы советского периода. Если в русской литературе ее границы определяются 1960–1980-ми гг., то в татарской литературе она считается родоначальницей литературы этнического возрождения, получившей дальнейшее развитие в конце XX в.

Таким образом, период с 1960 по 1985 гг. стал временем расцвета татарской советской литературы, отмеченным тематическим и жанровым разнообразием, а также смелостью писателей в отстаивании этнических интересов. «Оттепель» дала возможность переосмыслить прошлое, критически взглянуть на настоящее и вернуть в литературный оборот забытые имена и произведения. Автобиографический жанр позволил писателям говорить о травматичных событиях XX в. через призму личного опыта, что придавало повествованию особую остроту и достоверность. Повесть Г. Баширова «Родная сторона — зеленая колыбель» стала своеобразным окном в прошлое, позволяя читателю взглянуть на дореволюционную жизнь татарской деревни под иным углом, нежели это было принято в советской литературе. Она не просто воссоздала картины быта и обрядов, но и представила ислам как неотъемлемую часть жизни татарского народа, пронизывающую все сферы его существования.

От исторических романов, воссоздающих величие Волжской Булгарии, до рассказов-метафор, критикующих коммунистическую идеологию, и произведений, поднимающих экологические проблемы, татарская литература этого периода охватила широкий спектр тем. Особое место заняла деревенская проза, противопоставленная социалистическому реализму и акцентирующая внимание на этнических ценностях, исторической памяти и проблеме смены поколений.

Заключение

Исследование показало, что в советское время татарская литература, обновляя этнические и исторические художественные традиции, особенно начала XX в., устойчиво развивалась и в тематическом, и в поэтическом отношении. Это развитие в целом шло по двум направлениям. Одно основывалось на принципах классовости и партийности и подчинялось официальной идеологии, другое — стремилось преодолеть эти границы и достичь воплощения общечеловеческого идеала. Однако в обоих направлениях художники слова искали выход за пределы социалистического реализма, стремились к сохранению этнических особенностей, культуры, исторической памяти.

Путь татарской советской литературы от первых послереволюционных исканий до периода «оттепели» до последующего расцвета был тернист и полон противоречий. Стремление к этническому самовыражению, гуманистические идеалы и поиск художественной правды сталкивались с жесткими идеологическими рамками, цензурой и давлением. Тем не менее, литература сумела выстоять, сохранить свою самобытность и внести значительный вклад в развитие татарской культуры.

Стоит отметить, в данной статье мы остановились лишь на отдельных важных моментах литературного процесса изучаемого периода. Дальнейшие исследования позволят постигнуть тонкости стиля, проследить эволюцию и трансформацию творческого почерка отдельных мастеров слова.

Татарская советская литература оставила богатое наследие, отражающее сложную и многогранную историю народа. Она стала не только зеркалом эпохи, но и мощным фактором формирования этнического самосознания, возвращения и сохранения культурных традиций и передачи их будущим поколениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баевский, В. С. (1999) История русской литературы XX века. М. : Языки русской культуры. 271 с.
- Гайнулина, Г. Р. (2012) XX гасырның 60–70 нче елларында татар автобиографик прозасы үсеше [Развитие татарской автобиографической прозы в 60–70-е гг. XX века]. Казан : Ихлас. 107 б. (На татар. яз.).
- Галимуллин, Ф. Г. (2016) Татарская литература: взгляд сквозь столетия. Казань : Редакционно-издательский центр «Школа». 295 с.
- Галлямова, Г. А. (2015) Татарская АССР в период постсталинизма (1945–1985 гг.). Казань : Татарское книжное издательство. 455 с.
- Ганиева, А. Ф. (2022) Архетип матери-хранительницы национальной идентичности в татарской прозе // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Т. 32. № 3. С. 623–629. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-3-623-629>

Ганиева, Р. К. (2002) Татарская литература: традиции, взаимосвязи. Казань : Издательство Казанского университета. 272 с.

Загидуллина, Д. Ф. (2020) Татарская литература XX — начала XXI в.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы). Казань : ИЯЛИ. 256 с.

Закирзянов, А. М. (2019) Современное татарское литературоведение: традиции, закономерности, поиски. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 372 с.

Загидуллина, Д. Ф. (2015) 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр [Татарская литература 1960–1980-х гг.: авангардные поиски и эксперименты]. Казан : Татарстан китап нәшрияты. 383 б. (На татар. яз.).

Мусин, Ф. М. (1976) По координатам жизни: (Размышления о соврем. татар. прозе). М. : Современник. 205 с.

Надыршина, Л. Р. (2022) Поэма в татарской литературе XX века. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 352 с.

Нигматуллина, Ю. Г. (1997) Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань : Фэн. 189 с.

Скороспелова, Е. Б. (2003) Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М. : ТЕИС. 420 с.

Татар әдәбияты тарихы [История татарской литературы] (2021): сигез томда / төз. һәм фәнни мөх. Г. М. Дәүләтшин. Казан : Татарстан китап нәшрияты. 1 т.: Борынгы чор һәм Урта гасырлар [Древний и средневековый период]. 423 б.

Фахрутдинов, Р. Г., Фахрутдинов, Р. Р. (2021) История татарского народа. Казань: Татарское книжное издательство, 415 с.

Хатипов, Ф. М. (2014) Әдәби әсәрнең эстетик энергиясе [Эстетическая энергия художественного произведения]. Казан : Татарстан китап нәшрияты. 287 б. (На татар. яз.).

Четырова, Л. Б., Сахаров, А. С. (2023) «Деревенская проза» в контексте столкновения традиционной русской культуры и советской модерности // Семиотические исследования. Т. 3. № 2. С. 99–106. DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-2-99-106>

Дата поступления: 14.03.2025 г.

Дата принятия: 02.04.2025 г.

REFERENCES

Baevsky, V. S. (1999) *History of Russian Literature of the 20th Century*. Moscow, Languages of Russian Culture. 271 p. (In Russ.)

Gainullina, G. R. (2012) *Development of Tatar Autobiographical Prose in the 1960s–1970s*. Kazan, Ikhlas. 107 p. (In Tatar.)

Galimullin, F. G. (2016) *Tatar Literature: A View Through the Centuries*. Kazan, Editorial and Publishing Centre “Shkola”. 295 p. (In Russ.)

Gallyamova, G. A. (2015) *The Tatar ASSR During the Post-Stalinist Period (1945–1985)*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 455 p. (In Russ.)

Ganieva, A. F. (2022) The Archetype of the Mother as Guardian of National Identity in Tatar Prose. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, vol. 32, no. 3, pp. 623–629. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-3-623-629>

Ganieva, R. K. (2002) *Tatar Literature: Traditions and Connections*. Kazan, Kazan University Press. 272 p. (In Russ.)

Zagidullina, D. F. (2020) *Tatar Literature of the 20th — Early 21st Century: The “Softness” of Modernism, Avant-Garde and Postmodernism (Problem Statement)*. Kazan, IYALI. 256 p. (In Russ.)

Zakirzyanov, A. M. (2019) *Contemporary Tatar Literary Studies: Traditions, Patterns, Searches*. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art. 372 p. (In Russ.)

Zahidullina, D. F. (2015) *Tatar Literature of the 1960s–1980s: Fields of Renewal and Avant-Garde Explorations*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 383 p. (In Tatar.)

Musin, F. M. (1976) *By the Coordinates of Life: Reflections on Contemporary Tatar Prose*. Moscow, Sovremennik. 205 p. (In Russ.)

Nadyrshina, L. R. (2022) *The Poem in 20th Century Tatar Literature*. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art. 352 p. (In Russ.)

Nigmatullina, Y. G. (1997) *Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Tatar and Russian Literature*. Kazan, Fän. 189 p. (In Russ.)

Skorospelova, E. B. (2003) *Russian Prose of the 20th Century: From A. Bely ("Petersburg") to B. Pasternak ("Doctor Zhivago")*. Moscow, TEIS. 420 p. (In Russ.)

History of Tatar Literature (2021): in 8 volumes / compiled and edited by G. M. Davletshin. Kazan, Tatar Book Publishing House. Vol. 1: *Ancient and Medieval Period*. 423 p. (In Tatar.)

Fakhrutdinov, R. G. and Fakhrutdinov, R. R. (2021) *History of the Tatar People*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 415 p. (In Russ.)

Khatipov, F.M. (2014) *The Aesthetic Energy of the Literary Work*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 287 p. (In Tatar.)

Chetvrova, L. B. and Sakharov, A. S. (2023) "Village Prose" in the Context of the Clash Between Traditional Russian Culture and Soviet Modernity. *Semioticheskie issledovaniya*, vol. 3, no. 2, pp. 99–106. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-2-99-106>

Submission date: 14.03.2025.

Acceptance date: 02.04.2025.